

225
БИБЛИОТЕЧКА
КОММУНИСТА

для коллективных чтений по ячейкам

V ⁸¹/₂₂₅

Вып. I.

СУЩНОСТЬ КАПИТАЛИЗМА И ГИБЕЛЬ ЕГО

Издание Калгубкома Р.К.П. (б.)

От Агитпропа Губвома РКП.

При регулярном коллективном чтении в ячейке (по установленной программе) рекомендуется пропустить следующие статьи:

- 1) Что значит „Пролетарии всех стран соединяйтесь!“ и
- 2) П. Лафарг „К царству социализма!“

Таким образом для коллективного чтения по ячейкам предлагаются:

- 1) «Чем люди живут».—С. Дикштейн.
- 2) «Поклонение золоту».—П. Лафарг.
- 3) «Пауки и мухи».—В. Либкнехт.
- 4) «Сказка о воде».—Беллами.
- 5) «Проданный аппетит».—П. Лафарг.
- 6) «Труд и капитал».—Б. Свидерский.

АПО Губвома.

225

БИБЛИОТЕЧКА КОММУНИСТА

для коллективных чтений по ячейкам

Вып. I.

СУЩНОСТЬ КАПИТАЛИЗМА И ГИБЕЛЬ ЕГО

Издание Калгубкома Р.К.П. (б.)

Но паразиты—никогда!
 И если гром великий грянет
 Над миром псов и палачей,—
 Для нас все также солнце станет
 Сиять огнем своих лучей!

Это будет последний
 И решительный бой!
 В Интернационале
 Воспрянет род людской!

А. С.

Чем люди живут.

1.

„Каждый человек живет своим трудом“. Так-ли это?

На первый взгляд это кажется действительно так. Посмотрите лишь, сколько об этом писалось и говорилось в газетах, в журналах, в книгах и даже церковных проповедях. При этом разве не кажется многим, что действительно сапожник живет своим сапожническим трудом, портной—портняжным, учитель—учительским, что каждый фабрикант тоже работает, если не руками, то головой.

Но так-ли это на самом деле? Каждый-ли человек живет своим трудом?

Вы удивитесь, пожалуй, когда я скажу, что ни один человек не живет своим трудом, и не одни только цари и министры, не только фабриканты и купцы, не и весь рабочий народ.

Если-бы напр., сапожник не только шил сапоги, но и имел-бы клочек земли, на котором сеял-бы хлеб, садил-бы овощи, если бы он сам пряд, ткал и шил себе одежду, если-бы, одним словом, все, что ему необходимо, он вырабатывал-бы дома у себя, тогда только мы могли-бы сказать, что действительно он живет своим трудом.

И действительно, в прежние времена, несколько сот лет тому назад, когда каждый город имел достаточно своей земли, а каждый ремесленник, как обыватель города, имел право на эту землю, тогда

ремесленники заготавливали все необходимое у себя, на своем клочке земли и жили своим собственным трудом.

Но теперь, как известно, это не так. У ремесленника нет своей земли, и сапожник, напр., только и может шить сапоги и ничего более. А сапогами не наешься, ими не оденешься. Тоже можно сказать и о портном, о столяре, о каменщике и т. д. Портной не может ни есть, ни пить своих сюртуков, каменщик не ест за обедом своих камней.

Кто еще скорее мог бы сказать у нас, что живет своим трудом, так это крестьянин. Он, по крайней мере, сам производит у себя дома хлеб, молоко, иногда даже одежду, хотя за последнее время все реже и реже, так как платье на базаре и красивее и форсистее.

А в иных странах даже и крестьяне не выделяют у себя дома почти ничего из того, что им нужно для их собственного ежедневного обихода. Одни из них приготавливают только вино, другие сеют только лен, третьи разводят только овощи и т. д., а все необходимое, как из пищи, так и из одежды покупают на рынке.

И так вы видите, что никто, или почти никто не в праве сказать, что живет собственным трудом: сапожник живет трудом портного, каменщика, столяра, крестьянина; портной—трудом сапожника, столяра, каменщика и т. д. Все люди живут не своим трудом, а чужим, трудом других людей.

— Но вель каждый из них работает, ответите вы, каждый из них ничего не имел-бы, если-бы не работал.

Это верно: потому-то мы и не скажем, что все люди живут собственным трудом, но что они собственным трудом *содержат себя*.

— Да разве не все равно жить своим трудом и содержать себя им?

Нет, не все равно, и вот почему. Если-бы сапожник, портной, земледелец и все прочие люди действительно жили своим трудом, если-бы, как это было прежде, они заготавливали все необходимое у себя на дому, то каждый из них мог быть уверен, что хотя положение его не всегда будет одинаково, но с голоду он не умрет и какнибудь да вывернется.

Теперь же сапожник шьет только сапоги, он заготавливает их столько, сколько может, чтобы потом продать, как всякий иной товар. Если найдется купец—хорошо; сапожник продаст сапоги и на вырученные деньги купит себе все необходимое. А если не продаст? Что тогда? Разве накормить он детей своими сапогами? Разве запла-

тит он ими подати, разве возвратит долг свой ростовщику или банкиру и т. п.

Теперь вы видите, что *содержать* себя собственным трудом и *жить* собственным трудом—не одно и то-же.

Пока люди приготавливали все нужное у себя дома, пока они мало продавали своих товаров, до тех пор можно было сказать, что они живут своим трудом; но с того времени, как люди стали выделывать сапоги, замки, одежду и т. п. на продажу, они стали меньше работать дома на себя, а больше на других. И вот теперь варшавский сапожник стал шить башмаки для русского ремесленника; русский ткач стал работать над станком для варшавского сапожника; американский колонист запасается хлебом для английских рабочих, английские же рабочие стали снабжать железными и стальными изделиями варшавских работников. Следовательно, с того времени, как установилось производство на сбыт, на продажу,—никто не работает на себя, никто не живет собственным трудом, но трудом чужим, трудом других людей.

II.

— Хорошо. Никто, значит, не живет, а все только содержат себя своим трудом; это уж должна быть несомненная правда.

Но и это еще не совсем правда. Много можно было-бы прибавить к этому. Но пока положим, что есть большая доля правды в том, что каждый содержит себя своим собственным трудом.

Но почему же именно *трудом*? Потому что, когда ктонибудь продает свое изделие, будь это сапоги или платье, посуда или ножи, то его товар ценится по труду и платят ему сообразно с трудом. Поясним это подробнее. Положим, что сапожник работал над сапогами целый день, получил за это 10 аршин полотна. В предположении этом нет ничего необыкновенного: работал, а за то получил полотно. Но представьте себе на минуту, что есть на свете такая счастливая страна, где сапоги падают с неба. Такой страны нет, но если-бы *и* была, то как вы думаете, много-ли в ней платили сапожнику за сапоги?

Конечно, ничего. Люди говорили-бы, что за сапоги ничего не нужно платить, что *не стоят они труда*, и что, следовательно, каждый может их иметь; наш сапожник, чтобы не умереть с голоду, должен был-бы взяться за иную работу.

Хотя у нас сапоги на деревьях и не растут, но есть много таких вещей, за которые ничего нельзя получить, которые ничего не стоят, потому только, что на них вовсе не пошло труда. Ни за воду из источника ни за песок в реке никто ничего не платит, потому что не нужно тратить труда на то, чтобы их добыть, потому что они были готовы раньше, чем человеческий труд был к ним приложен.

Но за то, чем больше вещь заключает в себе человеческого труда, тем больше, как говорят, содержит она *стоимости*, чем больше за нее дадут. За аршин полотна дадут больше, чем за аршин коленкору. Почему? Потому что аршин коленкору скорее и легче сработать, потому что в него надо вложить меньше труда, чем в аршин полотна. Золотая цепочка дороже стальной. Почему? Потому-ли, что золото лучше блестит, потому-ли, что оно тяжелее? Нет, стальная цепочка может блестеть и весить столько же, сколько и золотая, но золото труднее достается: необходимо много труда, чтобы его достать из земли, и, следовательно, в золотой цепочке заключается больше труда, чем в стальной.

Поэтому то, когда ремесленнику, сапожнику, портному или пекарю платят за сапоги, сюртук или хлеб, то в действительности им платят за труд, который заключается в этих сапогах, этом сюртуке, этом хлебе. Если для приготовления булки потребуется 1 ч. времени, а для того, чтобы шить пару сапог 10 часов, что за пару сапог можно получить 10 булок, ибо труд, заключающийся в сапогах (или, как говорят, стоимость сапог) в 10 раз больше труда, заключенного в хлебе (или стоимости хлеба*).

Если за аршин сукна платят серебрянный рубль, то это потому, что на выработку сукна (т. е. на уход за овцами, на стрижку шерсти, на окраску сукна) потребуется столько же труда, сколько и на выделку одного серебрянного рубля (на отыскание серебра, на его привоз, переплавку и т. д.), напр., 10 час. За аршин коленкора платим только 10 коп., потому что на выработку его (на посев хлопка, на ткань на окраску) пошло не 10 час., а всего лишь 1 час.

Вот почему можно говорить и писать, что сапожник, портной, столяр, слесарь, вообще работник содержит себя своим *трудом*. Все

* Если бы вас спросили, какова стоимость стакана, сапог, платья, то вы могли бы ответить, что стоимость их есть труд, вложенный или заключенный в этом стакане, сапогах, платье.

они заготавливают различныя вещи; вещи эти, как товар, доставляются на продажу и за них платят как раз столько, сколько заключается в них труда.

И так, следовательно, чем больше какойнибудь ремесленник работает, чем больше он влагает труда в товар, тем больше он вкладывает своим трудом в него стоимости, тем больше он получит при продаже, тем лучше ему заплатят за товар**).

— Вот видите-ли, могут мне сказать теперь Вы взялись—было сказать что-то такое, что фабриканты и наниматели утаивают от нас, а теперь сами говорите тоже, что и они, а именно: кто больше работает, тот больше и получает.

Но подождите, не спешите с упреками, а выслушайте меня. Выше я сказал, что чем больше ремесленник вкладывает труда в товар, тем больше он за него получает. Сапожник за башмаки с двойными подошвами, хорошо сработанные, получит больше, чем за башмаки дурно сшитые. Все это верно. Но чтобы наш сапожник мог шить башмаки, ему нужна кожа, орудия, мастерская, а все это стоит денег. Слесарь, если хочет заготовить замки, также должен нанять мастерскую, купить инструменты, жить известное время, пока не продаст своих замков. А на это опять нужны деньги. У кого есть деньги, тому ничего: устроит мастерскую, будет изготовлять товары, а потом будет их продавать сообразно с их стоимостью, т. е. сообразно с трудом, в них вложенным. Но как быть тому, у кого нет денег, кто не может открыть мастерской; кто не может производить никаких товаров, не имея для этого ни материалов ни орудий. Что делать человеку, который—как это часто бывает не имеет и не может иметь ни от кого помощи, а между тем должен жить, есть, пить, одеваться? В настоящее время, чтобы что-нибудь купить на рынке, пищу-ли, одежду-ли, необходимо иметь либо деньги, либо товар на продажу. У нашего работника денег нет, товаров иметь он не может, следовательно, что-бы есть, он должен продавать себя, должен стать наемником, невольником должен наниматься на работу.

— Как это так—«продать себя», „сделаться невольником“? Ведь работа, как на фабрике, работа у мастера еще не неволя. Как мастеровой, так и фабричный рабочий—народ вольный, работает у кого хочет и сколько хочет, и никто не имеет права ему приказывать.

**), См. приложение.

Знаем мы эту свободу! Знаем, как мастер помыкает мастеровыми, знаем как на фабриках тысячи рабочих должны кланяться и уничтожаться перед всяким последним писарем! Разве смеют они громко заявить о своих правах, ответить на грубость грубостью?

Нет, не смеют, потому что они невольники и знают, что если фабрикант не стоит за ними с кнутом, то стоит за ними голод, который страшнее кнута.

Человек, который продает свой труд, не может быть свободен: он должен иметь господина и действительно имеет его. Свободны только люди, которым нет надобности продавать себя. А такой свободы трудно теперь добиться. Работник идет на фабрику, потому что должен идти, так как не имеет собственного материала и орудий, он повинуется фабриканту, потому что не может не повиноваться, потому что у фабриканта есть два сильных помощника: во-первых, правительство и войско, а во-вторых, голод, который угрожает рабочему на случай безработицы.

III.

— Невольник или невольник,—это в сущности все равно, возрадите вы мне. Дело не в том, кто невольник, кто-человек свободный, а в том, правда ли, что каждый может собственным трудом приобрести себе богатство. И опять я скажу вам,—не торопитесь, дойдем и до этого; надо же все разобрать, как следует.

Всякий работник, будь он слесарь, столяр, портной или сапожник, идет продавать себя, если не имеет ни денег, ни орудий, ни мастерской для работы на дому. Рано или поздно он находит, наконец, фабриканта или мастера, который его покупает.

Почему-же он его покупает? Потому-ли, что ему понравилась наружность рабочего? Нет. Потому-ли, что он сжалился над ним и хочет помочь ему в беде? Опять таки нет. Покупает он его, зная, что работник умеет и может управлять станком, ковать молотом, точать подошвы, одним словом, потому, что *он умеет работать*.

Покупая его, мастер или фабрикант думает единственно о силе и умении работника. Не будь у него этой силы, фабрикант не взял бы его и даром. Ему нужна только рабочая сила. Весь вопрос для него в том, сколько заплатить за эту силу; в том вся задача. Не трудно понять, сколько надо заплатить за стакан, за корзину, за пару сапог и т. д. Определяется это количеством часов труда, потраченного на выделку этих вещей. Допустим, что на приготовление

стакана потрачено пол-часа труда, на изготовление пары сапог—10 час., на изготовление тарелки—1 час. Допустим, что у нас обыкновенно за час работы платят 10 коп. (потому что в серебрянном гривеннике тоже 1 час труда). Не трудно теперь найти, что стоит стакан. Если на него пошло пол-часа труда, то значит, он стоит половину гривенника или 5 коп. Если на сапоги пошло 20 часов, то они стоят 20 гривенников или 2 рубля; если на тарелку употреблено 1 час., то она стоит гривенник.

Но как определить, сколько стоит человек, сколько заплатить за его силу. Да и хорошо-ли человека оценивать как товар?

Хорошо или нехорошо, это другой вопрос, но так теперь делается: сила человека оценивается как товар.

Допустим же, что рабочий, т. е. его рабочая сила покупается на один день. Допустим далее, что этот работник, чтобы жить и работать, чтобы поддерживать свою рабочую силу, должен получать ежедневно 60 коп., которая он затрачивает (на еду, жилище, одежду и т. д.), чтобы восстановить свои силы; в таком случае мы можем сказать, что рабочая сила стоит 60 коп. или 6 час. труда*) (если гривенник имеет ту-же стоимость, что и 1 час труда).

Фабрикант отлично знает, что рабочая сила стоит 6 час. труда, т. е. столько, сколько стоит 6 тарелок или 12 стаканов, и платит, поэтому, работнику за его силу, как за товар, стоящий 60 коп.

И так, *рабочник всегда получает за свою рабочую силу столько, сколько ему необходимо нужно на его скудное содержание.*

Теперь еще раз вернемся к нашему вопросу: зачем фабрикант покупает рабочую силу?—Зачем продает ее рабочий—это понятно: к этому вынуждает его голод, который сильнее врожденного всякому человеку чувства свободы, сильнее стыда.

Итак, зачем же фабрикант покупает рабочую силу? Для забавы? Нет. Так зачем же? Затем, чтобы получить прибыль, затем, чтобы обогатиться «собственным трудом», как он любит выражаться.

Вьясним себе это на примере. Допустим, что кто-нибудь открыл хлопчатобумажную фабрику. Положим, что хлопка куплено на 1400 руб., машин на 80 руб., газу и всего прочаго израсходовано на 24 руб., и что фабрика пущена в ход. Как вы думаете, почему фабрикант открыл фабрику? Очевидно потому, что желает продать

*) Нужно помнить, что стоимость рабочей силы равняется столькоим часам работы, сколько требуется на поддержание жизни рабочего.

пряжу дороже, нежели заплатить за хлопчатую бумагу, машины и проч. Очевидно, когда он получит из хлопчатой бумаги пряжу, то не продаст ее за 1504 руб., но захочет получить, положим, 2000 руб.*). Но желать—еще не достаточно, нужно действительно получить 2000 руб., а получит ли он их—это еще вопрос. Если бы могло совершиться такое чудо, что машины пряли бы хлопчатую бумагу без помощи работников и если бы нам фабрикант принес свою пряжу купцу и пожелал получить 2000 рублей, то купец ответил бы ему просто так: в твоей пряже есть во первых, стоимость хлопчатой бумаги, т. е. 1400 руб., затем стоимость машин или 80 руб. и, наконец, стоимость угля, газа и проч., или 25 р., всего вместе стоимости на 1504 р., ни больше ни меньше, и ни гроша сверх того я тебе не дам.

Не знаем, понравился ли бы фабриканту такой ответ. Знаем только, что до сих пор машины сами работать не могут, и что, к счастью для фабрикантов, при машинах должен работать человек. Понимая это, фабрикант нанимает, положим 100 рабочих и платит им за рабочую силу, как за товар, по 60 к. в день.

Работник, нанятый за 60 коп. в день, очищает хлопчатую бумагу, прядет, делает мотки и т. п. одним словом, работает, вкладывая в хлопчатую бумагу свой труд.

После первого часа он вложит только один час труда или повысит ее стоимость на 10 коп. (если час труда стоит 10 к.). После двух часов, вкладывая час труда, он возвышает стоимость на 20 к., после трех часов он вложит три часа или повысит всю стоимость на 30 к. и т. д., наконец, после шести часов труда стоимость повысится на 60 коп., ровно настолько, сколько фабрикант заплатил за его рабочую силу. Итак, после 6 часов труда работник совершенно отработает свою плату. Так работает он целую неделю, по истечении которой фабрикант забирает пряжу и несет ее на рынок, желая снова получить 2000 рублей.

— Сколько хочешь за пряжу? 2000 руб.?—говорит купец—это слишком много! Разве ты думаешь, что в твоей пряже действительно заключается стоимость на 2000 руб.? Где там! Посчитаем вместе. В пряже заключается стоимость хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость машины на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 руб.

*) 1504 р. есть общая сумма его издержек в этом примере. 1400 стоит хлопок, 80 р. машины, 24 р. газ и проч. итого 1504 р.

и стоимость рабочей силы на 360 р. (если в течение недели работали сто рабочих шесть дней по шести часов в день, с платою по 10 коп. в час: $6 \times 6 \times 100 \times 10 = 360$ р.) или всего вместе в пряже заключается стоимости на 1864 руб. Могу, следовательно, дать, тебе лишь 1864 руб. и ни гроша больше — Как так! Значит, я ничего не выиграл? Ведь я сам истратил 1864 р. Где же мой доход? Зачем же я открывал фабрику? что она мне принесла?

К чему вся эта комедия? Действительно, доходу бы не было, если бы наш фабрикант не напал на мысль оставлять своих работников, отработавших за свою плату 6 часов, работать на фабрике более продолжительное время.

— Как же — могли бы сказать работники фабриканту — ты заставляешь нас работать дольше, а ведь всякий из нас уже отработал свою плату; мы ведь уже доложили к хлопчатой бумаге столько стоимости, сколько стоит наша рабочая сила.

— Что вы там рассуждаете? Я вашу рабочую силу купил на целый день, а не на 6 часов, и могу с вами делать в этот день, что хочу. Не рассуждать, а работать!

И работники, которые после 6 часов труда должны были бы оставить фабрику, пойти отдохнуть или работать на себя, остаются дольше и работают еще 6 часов. Фабрикант выдает им новый материал, и дело улаживается. После каждого часа своего труда работники добавляют к этой новой хлопчатой бумаге новую стоимость, и после 6 часов труда каждый из них добавит 6 часов стоимости. Понятно, что эта новая стоимость уже ничего не стоит фабриканту — она совершенно даровая. Один работник, трудясь 6 часов, добавляет, таким образом, 6×10 к. (если 1 час труда стоит 10 к.) или 60 к. стоимости, сто работников добавят в 1 день в сто раз более или 60 руб., а в неделю, работая 6 дней, они доложат еще в 6 раз более, или 360 р. новой стоимости. Если теперь наш фабрикант захочет продать эту часть своей пряжи*), то сколько он за нее получит? Очевидно, что опять 1864 руб., потому что в пряже будет заключаться стоимость новой хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость новых машин на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 р. и, наконец, стоимость 360 часов труда, получаемых им от рабочих даром. Теперь фабрикант уже, охотно уступит за эту цену свою пряжу, ибо она

*) т. е. часть, сработанную в добавочные часы.

стоила ему не 1864 р., а лишь 1504 (1400 р. за хлопчатую бумагу, 80 р. за машины, 24 р. за уголь и газ: $1400+80+24=1504$ руб.). Теперь уже очевидно, производство принесло доход.

Сделаем теперь окончательный счет. Наш фабрикант выдал на хлопчатую бумагу 2 раза по 1400 р., т. е. 2800 р. 2 раза по 80 р., на машины, т. е. 160 р., 2 раза по 24 р. на уголь и газ, т. е. 48 р., и заплатил рабочим 360 р. или выдал всего на всего 3368 р. ($2800+16+48 \times 360=3368$). Получит же он за первую половину пряжи 1864 р., за другую тоже 1864 р. или за всю пряжу 3728 р. ($1864+1864=3728$), значит, прибыли у него 360 р. ($3728+3368=360$).

Откуда же взялась эта прибыль? Очевидно, она явилась потому, что фабрикант ничего не заплатил работникам в другую половину дня, потому что работники вторую половину своего труда отдали ему даром, потому что кроме 3600 часов оплаченного труда работники добавили к хлопчатой бумаге еще 3600 час, неоплаченного, прибавочного труда, или как говорят, 3600 час. прибавочной стоимости*).

Теперь мы знаем, зачем фабрикант нанимает работников. Затем, чтобы с их труда иметь доход, чтобы получить с них прибавочную стоимость

С чего же, значит, наш фабрикант получает свой доход? С собственного труда? Очевидно, нет. Следовательно, с чужого? Да, и именно с труда рабочих.

Рабочие трудятся на себя только половину дня, а другую половину—на фабриканта. Полжизни рабочие работают для себя, для своей семьи, для своих, а другая половина жизни идет на то, чтобы фабрикант мог иметь доход со своей хлопчатой бумаги, чтобы он мог получать прибавочную стоимость.

То, что мы сказали об одном фабриканте хлопчатой бумаги, можно сказать о всех мастерах и фабрикантах на свете. Все они покупают работников, все покупают их *рабочую силу* только для того, чтобы иметь прибыль с их труда, чтобы, заставить работать их дольше, чем следовало бы, чтобы, таким образом *обогатить себя*.

*. Следовательно, что же такое прибавочная стоимость? Это та стоимость, которую рабочие добавляют к выпарбатываемому товару, уже после того, как они отработали свою рабочую плату, это неоплаченный труд работника

IV.

Вы, конечно, согласитесь с тем, что я только что вам рассказывал. Одно только могли бы возразить, что пример с хлопчатобумажной фабрикой не совсем правдоподобен! Где и когда слыхано, чтобы машины стоили только 80 руб. или хлопчатая бумага только 1400 руб? — Совершенно верно. Числа, приведенные в этом примере, выбраны только для того, чтобы легче выяснить, что такое прибавочная стоимость. Теперь я вам приведу пример из жизни, и числа будут так верны, что никто не сможет ничего возразить.

В Англии, как каждому известно, обрабатывается громадное количество хлопка*). Уже издавна там существуют огромные паровые фабрики, издавна уже работники перестали там работать на себя, а должны продавать свой труд, становясь обыкновенными наемниками, давно уже они терпят и нужду и голод. За то богатеют фабриканты. Так вот, положим, что одному из таких фабрикантов хлопчатой бумаги содержание фабрики и все производство стоило 134,250 руб. в год, а по истечении года он продал свою пряжу и получил за нее 159.000 руб. Значит, прибыли он получил 24,750 руб. (159,000—134,250) или 18%. Вы знаете, конечно, что это еще не очень большая прибыль, так как у нас есть фабрики, напр., свеклосахарные заводы, которые дают 40, 50 и более процентов прибыли. Посмотрим откуда наш фабрикант получает эту прибыль. Для большей ясности рассчитаем, сколько тратит он на производство в неделю.

На его фабрике 10,000 веретен, движущихся посредством пара. Одно веретено (конечно, с помощью работника) может дать один фунт пряжи в неделю. Веретен 10,000, следовательно, на фабрике готовится в неделю 10,000 фунтов пряжи. Но, чтобы получить 10,000 фунтов пряжи, надо купить хлопчатой бумаги более, чем 10,000 фунтов, потому что при работе всегда пропадает некоторая часть ея, в виде отброса. На нашей фабрике приходится покупать 10,600 фунт. хлопчатой бумаги, так как 600 фунтов пропадает при производстве. Фунт хлопчатой бумаги в 1871 году в Англии стоил 19½ коп., а следовательно, на 10,600 фунтов хлопчатой бумаги надо истратить 10,600 раз более, т. е. 2067 рублей.

Чтобы из этой хлопчатой бумаги получить пряжу, необходимы машины, различный вспомогательный материал и рабочий труд. Ма-

*) В 1873 году в Англии обработано 1264 миллиона фунтов хлопка с помощью 33½ миллиона веретен.

шины, т. е. веретана вместе с паровой машиной стоял 60,000. Но раз купленные машины не изнашиваются сразу, а могут служить лет десять; поэтому; *ежегодная* трата на машины не будут 60,000 руб., а в 10 раз меньше, т. е. 6000 руб. а еженедельная трата (если в году 50 рабочих недель) в 50 раз меньше, т. е. 120 рублей. Далее, для машин необходим каменный уголь (для нагревания котлов), масло (для смазки колес), газ (для освещения фабрики) и т. д. На уголь в нашей фабрике еженедельно выходит 24 р. 60 к., на газ—6 р. За наем помещения фабрикант платит еженедельно 36 руб. Весь еженедельный расход на хлопчатую бумагу, машины, уголь, газ, масло, квартиру и т. п. будет равняться 2284 р. 50 к. Однако, весь этот материал ничего не дает, если не приложить к нему рабочих рук. Поэтому, фабрикант нанимает 135 рабочих (каждый из них наблюдает за 74 веретенами) и платит им за их рабочую силу столько, сколько нужно на ее производство или на продовольствие работника (на пищу, одежду, помещение), допустим, по 2 р. 25 к. в неделю. Всем рабочим в неделю будет выдано 303 р. 75 к.

Если бы работники работали только для себя, т. е. если бы они отдавали фабриканту столько труда, сколько сами взяли от фабриканта в виде рабочей платы, то было бы очень легко высчитать, сколько должны стоить выработанные ими в течении недели 10,000 фунгов пряжи. И действительно, в этой пряже должны заключаться: 1) стоимость хлопчатой бумаги—2067 руб., 2) стоимость машин—120 р., 3) стоимость угля—24 р. 60 к., 4) стоимость масла—24 р. 60 к., 5) стоимость газа—6 р., 6) стоимость помещения—36 р., 7) плата рабочим—303 р. 75 к. Всего вместе 2587 р. 50 к., а один фунт в 10,000 раз меньше или приблизительно 26 коп.

Между тем, наш фабрикант за фунт пряжи получит не 26 коп., а $31\frac{1}{8}$ коп., а за 10.000 фунт. пряжи—3162 р. 50 к., т. е. на 575 р. более (3162 р. 50 к.—2587 р. 50 к.—575 р.), чем мы высчитали.

Если же наш фабрикант получил на 575 р. более, то это очевидно потому, что в них заключается новая стоимость, которой прежде не было, которую добавили работники собственным *неоплаченным* трудом. Мы видим, следовательно, что 575 р. дохода произошли из неоплаченного труда, из созданной рабочими прибавочной стоимости. Эти работники получили от фабриканта 303 р. 75 к. за недельный труд, а в неделю они не только отработали свою плату, но и давали к хлопчатой бумаге 575 рублей неоплаченного труда.

Каждый из них получает в день $37\frac{1}{2}$ коп. и не только возвращает их, возвышая своим трудом стоимость хлопчатой бумаги, но и прибавляет еще новой стоимости (*прибавочной стоимости*) $58\frac{1}{2}$ к. Следовательно, неоплаченный труд продолжается более чем в полтора раза дольше, чем оплаченный, работник в полтора раза больше работает на фабриканта, нежели на себя.

Прибавочная стоимость более, чем в полтора раза больше оплаченного труда, или, как говорят, мера прибавочной стоимости есть $1\frac{1}{2}$ (или 150%) *). Теперь, кажется, я вас вполне убедил, что не всякий доход получается с собственного труда: мы видели, по крайней мере, что фабрикант получает свой доход не со своего труда, а с чужого.

Ну, а мастера, помещики, чиновники, купцы и т. п., что можно сказать об их доходе? Начнем с мастеров.

Вы, конечно, знаете, что большая часть обуви у нас готовится в частных мастерских, в которых мастер наблюдает за работой, подмастерья работают за плату, а ученики даром. Что мастер зарабатывает на ученической работе и получает с нее прибыль, об этом знают даже малые дети. Здесь мы говорили об оплаченной работе подмастерья.—Вы знаете, как тяжел труд сапожника. Согнувшись на своем стуле, в душной, темной комнате, он должен работать 15, 16 часов, чтобы только заработать на собственное существование. Платят ему поштучно, по 90 к. за пару штиблет. При благоприятных условиях, хороший подмастерье в 15 часов может сделать две пары штиблет и получить за свой труд 1 р. 80 к. Посмотрим теперь, откуда берется заработок мастера.

Кожа, резина, подошвы на одну пару штиблет стоят 2 р. 0 к. до 2 р. 55 к., остальной материал (дратва, шило, гвозди и т. п.) 10 к., помещение, положим, 10 к. **), труд подмастерья 90 к.—Ели

*) Мера прибавочной стоимости есть, след, отношение между неоплаченным трудом и трудом оплаченным. Так если работник работает на себя часа, и 8 часов на капиталиста, то не оплаченный труд в 2 раза более оплаченного, и мера прибавочной стоимости равняется 2 или 200%. Если он 6 часов работает на себя и 6 на капиталиста, то мера прибавочной стоимости равняется 1 или 100%.

**) Разумеется, помещение стоит гораздо дороже, может быть 9., может быть рублей 15 и более, но в этом помещении заготавливают не одну пару сапог, а 50, 100 и более в месяц, поэтому, на каждую пару приходится за помещением несравненно меньше, положим 10 к.

бы наш подмастерье получил за свой труд все, что ему следует, то в паре штиблет должны были бы заключаться: стоимость материала (кожа, резина, подошвы) на 2 р. 55 к., стоимость помещения на 10 коп., стоимость труда подмастерья на 90 к., так что штиблеты должны бы были стоить 3 р. 65 к. Между тем мастер продает пару штиблет за 5 р., т. е. на 1 р. 35 к. дороже.

Откуда же взялись эти 1 р. 35 к.? Очевидно, их не было ни в подошвах, ни в гвоздях, ни в квартире; эту новую стоимость могли создать только работники.

Итак, наш подмастерье за 90 к., кроме оплаченного труда добавил мастеру на 1 р. 35 к. труда неоплаченного, т. е. прибавочной стоимости, которой и пользуется, разумеется, только мастер. Опять, следовательно, неоплаченный труд в полтора раза больше оплаченного, опять мера прибавочной стоимости $1\frac{1}{2}$ или 150%. Работник из 15 ч. ежедневного труда работает на себя только 5 ч., а 10 отдает мастеру, обогащая его.

Теперь вы видите, как получает свой доход мастер. Собственным ли трудом? Очевидно, нет. Точно так-же как и фабрикант, он может обогатиться только чужим трудом, только трудом своих работников и мастеровых.

Вы видите, теперь, сколько веры заслуживают люди, которые рассказывают чудеса о богатствах, нажитых собственным трудом; вы знаете теперь, что позорно лгут те которые говорят, что фабриканты собственным трудом наживали себе богатства.

V.

А купцы, помещики, чиновники и т. д.?

Сейчас дойдем и до них. И чтобы выяснить себе, откуда берется их доход, каким трудом они себя содержат, возьмем пример.

Положим, что какой-нибудь фабрикант вложил в свое предприятие 150,000 р. Какое это предприятие, для нас все равно, скажем, хоть свеклосахарный завод. Наш фабрикант купил машины, свекловицу, другие нужные материалы, нанял рабочих и, по окончании года, получает за сахар 195,000 р. Таким образом, фабрикант получает 45,000 р. дохода со своего капитала в 150,000 р. Мы уже знаем, что эти 45,000 рублей есть не оплаченный труд работников или прибавочная стоимость. Фабрикант охотно удержал бы себе весь этот доход: хотя он и не стоит ему никакого труда, но расставаться с деньгами — все же трудновато.

По много и других охотников до отобранной у работников «прибавочной стоимости». Всякий хотел бы хоть сколько-нибудь опустить в свой карман, попользоваться хоть каплей рабочего трудового пота. Прежде всего протягивает свои руки купец. Фабрикант без купца ничего не может, потому что он знает, что не получит никакой прибыли с своего товара, пока этот товар лежит у него в магазине: сначала надо продать товар, променять его на деньги, и только тогда можно сказать, что дело сделано. Нужно, значит, искать купца, чтобы продать ему товар.

Является купец; он готов купить товар, но с тем условием, чтобы продавец сделал ему уступку на несколько процентов. Фабрикант на это не согласиться не может, уступает ему, положим, 10 к. с рубля и продает ему свой сахар не за 195,000 р., а за 187,500 р. Прибыль фабриканта уменьшилась, часть ея попала в карман купца, но за то теперь в кармане фабриканта лежат чистые денежки. Купец же получил при этом 750 р. Каким образом получил он этот доход. Собственным трудом? Понятно, нет. Его прибыль есть только часть прибыли фабриканта, а поэтому, и она есть часть неоплаченного труда рабочих. И купец, следовательно, содержит себя чужим трудом, трудом фабричных рабочих.

За купцом идет помещик. Наш фабрикант построил себе фабрику на помещичьей земле. Бывает, правда, что строит фабрики на собственной земле, но часто и на чужой. Владелец земли желает за это получить плату, так называемую ренту. Что тут поделаешь, думает себе фабрикант—коли надо платить, так платить. И отдает ему из своей прибыли 3,000 р. ренты.

Итак, откуда же является доход землевладельца? Очевидно, тоже из прибыли фабриканта, а следовательно, опять таки из неоплаченного труда фабричных рабочих*).

У нашего фабриканта осталось только 34,500 р. прибыли. Но и теперь еще он не может положить все эти деньги в свой карман. Мы уже говорили, что на устройство своей фабрики он истратил 150,000 р. Эти 150,000 могли быть его собственные, но могли быть взяты у когонибудь взаймы. Ведь много есть бо-

*) Мы говорим здесь о таком землевладельце, который сам не ведет хозяйства. Такой-же землевладелец, который ведет собственное хозяйство, тоже содержит себя трудом работников, но своих собственных т. е. трудом наемников: пахарей, косарей и т. п.

гатых людей, которые, вместо того, чтобы заниматься какими-нибудь предприятиями, отдают свои деньги в рост и прибавляют ежегодно получаемые проценты к своему капиталу. У одного из таких капиталистов и мог занять деньги наш фабрикант. Допустим, что капиталист дал ему нужные 150,000 р. по 6%. Тогда фабрикант отдает из своей прибыли 9.000 р. капиталисту. Ему остается только 25,500 р. Капиталист же из чужого кармана перекладывает в свой 9000 р. Но из чьего кармана, но на самом же деле и эти 9000 взяты у рабочих, из их неоплаченного труда.

Итак, фабриканту остается 25,500 р., но и этим остатком он не может вполне распоряжаться по своему усмотрению. Правительство также хочет получить долю из этой добычи. И оно право. Оно затем только и существует, чтобы защищать богатых и притеснять бедных. Правительство имеет войско и полицию только для того, чтобы держать бедняков в повиновении. Когда рабочие собираются, сговариваются и требуют, чтобы фабрикант повысил заработную плату, то правительство посылает войско и жандармов для усмирения «бунтовщиков». Когда фабриканты двух стран спорят о том, кому из них ввозить свои товары в третью страну, то правительства высылают свои войска и грозят войной, если не исполнят требований их фабрикантов. А когда рабочие начинают волноваться, когда они возвышают голос в защиту своих прав и требуют справедливости от купцов и фабрикантов, тогда правительство даже ищет войны, чтобы только удалить из страны эти «беспокойные головы». Вы видите, следовательно, какие значительные услуги правительство оказывает богачам и фабрикантам. Но этого мало; для кого открывает оно университеты, улучшает города, строит театры? Не для бедных-ли? О, нет! Бедные не могут посылать своих детей в школы, им некогда думать о театре! Все это вместе взятое, и правительство, и полиция, и войско, и театр, — все это существует для богатых, для «господ». На все это правительству нужно много денег, собираемых в виде податей. Сколько денег идет на одно войско! А на полицию, а на тысячи чиновников больших, малых и маленьких, а на министров и т. д.!

Больше всего податей платят сами бедняки, рабочие. Но немного также дают фабриканты и капиталисты; всякий из них считает своею обязанностью платить деньги правительству, как своему слуге. И наш фабрикант кое-что уделяет правительству из своего дохода. Он вносит в виде податей, положим 500 р. Легко понять, что и эту плату

заплатили рабочие, потому что ни один фабрикант ничего своего не имеет, а раздает только *прибавочную стоимость, неоплаченный труд работника.*

Нашему фабриканту остается еще 25,000 р. Из них идет, 750 р. на жалованье директору фабрики, 1,500 р. в страховое общество и 2,250 р. разной другой братии. Остается 20,500 р. чистого дохода, с которыми фабрикант уже может делать, что ему угодно. И весь свет будет говорить, что эти 20,500 р. — его «собственность», которую он приобрел «собственным трудом».

Фабрикант сумеет пожить на эти денежки! Он не станет считать, сколько ему надо для поддержания своего существования, как он делает это по отношению к своему работнику, а будет жить и тратить деньги, как ему вздумается. Театры, балы, шампанское, кареты, роскошь в доме, роскошь за столом! Жить вообще можно, потому что в кармане неоплаченный рабочий труд! Неоплаченного труда хватит на все: им будут жить в служащие фабриканта, его содержанки, лакей и т. п. А деньги остающиеся после удовлетворения его причуд и потребностей, фабрикант прибавит к своим тысячам, чтобы еще более пользоваться чужим трудом, поживиться чужой прибавочной стоимостью.

VI.

Теперь мы уже можем дать полный ответ на вопрос, поставленный в заглавии и в начале книжки.

Кто чем живет? Кто своим кто чужим трудом? Кто чем себя содержит, трудом-ли своих или чужих рук?

Теперь мы могли бы разделить всех людей на три разряда. К первому разряду принадлежат люди, работающие на себя и содержащие себя собственным трудом; к нему принадлежат все те ремесленники, у которых есть собственные орудия производства и все крестьяне, имеющие столько земли, что они могут существовать собственным трудом.

Другой разряд. Это рабочие, у которых нет собственных орудий производства, и крестьяне, у которых слишком мало земли или совсем нет земли, и которые должны продавать себя, продавать свою рабочую силу. К этому разряду мы причисляем всех подмастерьев, фабричных, батраков, наемников и т. п.

А третий разряд составляют те, которые имеют орудия производства, но сами не работают, а заставляют работать других. Эти

на себя не работают, а содержат себя и богатеют чужим трудом, прибавочной стоимостью, отнятой у других людей. Сюда принадлежат фабриканты, мастера, помещики, купцы, министры и многие из чиновников.

А теперь я спрошу вас, справедливо ли это? Справедливо ли такое разделение на праздных богачей и трудящихся бедняков? Да или нет?

Мы уже видели в первой половине нашей книги, каковы капиталистические порядки: небольшая гордость людей живет и роскошествует на счет труда всего народа. Но почему это так? Потому что эта масса народа не свободна, потому что она принуждена продавать свою рабочую силу, продавать себя.

Но почему же она принуждена продавать себя? Потому что у нее нет орудий труда. А мы уже видели, что тот, кто не имеет орудий труда, должен продавать себя, иначе он умрет с голоду. Следовательно, если хотим исправить, улучшить изменить теперешний порядок, если хотим устранить нужду одних и роскошь других, то что должны мы сделать? Очевидно, устроить так, чтобы каждый имел свои собственные орудия труда. Тогда каждый будет работать на себя. Никто не будет работать на других, никто не будет отдавать прибавочной стоимости из своего труда. Тогда никто не станет покупать людей, их рабочую силу, никто не будет отнимать прибавочной стоимости, никто не будет содержать себя чужим трудом.

— Устроить так, чтобы каждый имел орудия труда? Но как это устроить? В этом то вся задача,—заметите вы мне.

— Как устроить? Очень просто: отобрать орудия труда у тех, у которых их слишком много и отдать на пользование трудящемуся люду.

— Отобрать силой!! Да помилуйте, как же это отобрать? Разве это можно? Разве это мыслимо? Разве это нравственно?

Возможно ли это, мыслимо ли, нравственно ли—вот три вопроса, на которые мы постараемся дать ответ.

I.

Посмотрим сначала, возможно ли? Возможно ли, что бы у каждого работника, у каждого человека были свои орудия труда.

Не такой это простой вопрос, как могло бы показываться с первого взгляда кажется, что вещь вовсе не трудная. Ведь, было же когда-то так, что у каждого почти работника была собственная мастерская, в которой он сам был господином.

В старину—точно, так было. Но тогда людей на свете было сравнительно мало. В том городе, в котором 200 лет тому назад было 500 тысяч жителей, теперь 4 миллиона (Лондон в Англии); стране, в которой 200—300 лет тому назад было 2 миллиона жителей, теперь, быть может—10 миллионов и больше, где прежде доставало на всех 1.000 пар сапог, теперь надо миллион, где прежде потреблялось миллион аршин полотна, теперь требуется в 10, в 20 раз больше. Следовательно, в старину, «в доброе старое время»,—хотя оно далеко было не так хорошо, чтобы желать его возвращения, —ткач, работавший с женой и детьми в своей мастерской, или слесарь, который заготавливал замки у себя на дому, не могли много заготавливать ни полотна ни замков. Работали мало, потому что и спрос был не велик; ткач ткал свое полотно на плохом станке, слесарь выделывал свои замки при помощи плохих орудий.

Теперь ткач должен непременно ткать с помощью машин. Если бы он хотел ткать полотно на станке, то это было бы все равно, как если бы ктонибудь захотел ехать на лошадях туда, куда проложена железная дорога. Он должен был бы истратить, может быть, 100 часов на то, что при помощи машины сработал бы в один час.

В настоящее время требуется много, очень много продуктов. Необходимы большие фабрики, паровые машины, большие магазины, чтобы произвести необходимое количество продуктов. В настоящее время, например, в одной Англии 450,087 рабочих ткют хлопчатую бумагу на 33 миллиона веретен. И если бы у каждого работника была своя мастерская, свое веретено, т. е. если бы каждый был самостоятельным рабочим, то все вместе не сработали бы и двадцатой части того, что вырабатывается теперь. Везде чувствовался бы недостаток в бумажных тканях, и даже, наши крестьянки стали бы жаловаться на такие порядки. Вы видите теперь, что не так-то легко и не всегда возможно, чтобы у каждого была своя собственная мастерская, свои собственные орудия труда. Не было бы, правда, притеснений рабочих, но за то везде был бы недостаток в самых необходимых товарах, нужда и даже голод.

Да, голод! как вы сами сейчас убедитесь. В настоящее время в Англии, например, почти нет работников, у которых были бы собственные орудия труда. Крестьян же, которые обрабатывали бы свою собственную землю, и вовсе нет. Там есть только крупные землевладельцы, у которых есть огромные имения, паровые плуги, паровые машины для жнитва и молотбы, и которые нанимают сельских работников для обработки своих полей.

У сельских же работников нет ничего: ни полей, ни орудий труда, ни даже собственной хаты; они должны, следовательно, продавать себя в рабство господам и отдавать им свой добавочный труд.

Таким работникам приходится плохо, очень плохо. Невообразимый ужас вызывает зверство и алчность английских землевладельцев, когда читаешь в книжках описание бедственного положения английских сельских работников.

Но как вы думаете, если бы каждому из них был дан особый клочек земли? Выиграл бы от этого весь английский народ? Совсе нет. В 1875 году Англия нуждалась для своего продовольствия в 22 миллионах квартеров хлеба (1 квартал равняется 75 гарцам). На английской земле родится только 13 миллионов квартеров хлеба, так что 9 миллионов надо привозить из заграницы. Если бы земля была поделена на малые участки, на которых нельзя было бы применить ни паровых плугов, ни сеялок, ни веялок, то не только не собралось бы 13 миллионов квартеров, но, пожалуй, и пяти-шести. Тогда в Англии начался бы голод.

Вы видите, значит, что в настоящее время нельзя, чтобы каждый имел свои собственные орудия труда!

Но как же быть? Не иметь своих собственных орудий труда—плохо, потому что приходится продавать свою рабочую силу, продавать себя, обогащать других: их иметь—опять таки плохо, потому что тогда будет нужда, голод. Что делать? Где найти выход?

Выход есть и очень хороший. Почему бы не устроить и вперед так-же, как и теперь? Где работники работают вместе на больших фабриках и на больших участках земли, пусть и вперед работают вместе сообща. Но пусть они не делят ни орудий, ни земли, *пусть целые фабрики принадлежат работникам и не одному из них, а всем. Пусть все фабрики, вся земля принадлежит всем работникам, всем крестьянам, пусть то будет их общая *) собственность.* Пусть

работают они сообща, но не на фабрикантов, а на себя. Тогда и сделают они не меньше чем теперь, а гораздо больше. Каждый будет знать, что работает не на праздного фабриканта, а на всех своих товарищей, которые тоже работают ва него. Тогда работник поймет, что если он будет работать дольше, чем следует на фабрике, то прибавочный, труд прибавочная стоимость будет служить всем, не пойдет на обогащение горсти людей, а улучшит судьбу всех и каждого.

Итак, следовательно, помочь работникам может только *общественная собственность на землю и фабрики*.

II.

А теперь спросим себя, удастся ли это? Можно ли надеяться, что эта общая собственность на землю и на орудия труда осуществится на деле? Возможно-ли, чтобы каждый был себе господин? Всегда были бедные и богатые, всегда и везде была масса людей угнетенных и горсточка угнетателей. Всегда были люди, которые находили такой порядок несправедливым, а однако, ничто не помогло: всегда бедным было плохо, а богатым хорошо.

А теперь разве число бедняков не становится все больше и больше, разве страшная нужда не охватывает рабочих всех стран, разве роскошь и своеволие тунеядцев не растет час от часу?

Все это правда, сущая правда, но все таки это не может лишить нас надежды; наоборот, из этого-то мы и можем видеть, что близок конец нынешнего порядка. Дело вот в чем.

Число бедняков, не имеющих никакой собственности, постоянно увеличивается. Против этого ничего не поделаешь при нынешних порядках. Ремесленник, отправляя свой товар на рынок желает получить за него как можно больше; и в этом нет ничего удивительного: он трудился над ним, как только мог. Но какая ему польза от его труда? Фабрикант, заготавливающий тот-же товар на фабрике употребляет на его выделку гораздо меньше труда*). Если мы допустим, что слесарь провозится над замком 3 часа, то на фабрике такой же замок сделают в час, а то и скорее. Слесарь захочет взять за свой замок 30 копеек (если час труда стоит гривенник), фабрикант же продает его за 10 коп. Разумеется, никто не станет

*) Конечно, не своего; здесь говорится о труде его рабочих.

покупать у слесаря, и слесарь, не будучи в состоянии сбывать свои товары, продаст свой станок и пойдет продавать свою рабочую силу фабриканту.

Что сказано о слесарях, применяется ко всем другим ремесленникам: с машинами и фабриками они тягаться не могут и рано или поздно должны сделаться наемными рабочими. Таким то образом все большее и большее число людей лишается своей свободы и поневоле продает свою рабочую силу. Если бы рабочие имели, по крайней мере, постоянную плату, на которую могли бы рассчитывать, то, пожалуй, им можно было бы как нибудь прожить на свете. Но до этого далеко! Рабочая плата, напротив, понижается постоянно, между тем как прибыль фабриканта все увеличивается.

Постараемся объяснить это понятие. Припомним, откуда берется прибыль фабриканта: *работник отдает ему свой дополнительный труд*, потому что только одну часть дня работник трудится на себя, а остальную часть он трудится на фабриканта. Если, например, фабрикант держит 20 рабочих, платя им по 90 коп. в день, то платит столько потому, что именно столько необходимо на поддержание их существования (на пищу, одежду, квартиру). Работники после шестичасового труда уже отработывают эти 90 коп., а остальную часть дня работают даром и, таким образом, дают фабриканту даром 90 коп. новой стоимости в день (если допустить, что рабочий работает всего 12 часов в день). И если их 20 человек, и работают они, допустим 330 дней в году, то в год они приносят хозяину 6.000 рублей прибыли ($20 \times 90 \times 330$). Очевидно, что чем больше своего труда отдают работники, тем больше будет прибыль фабриканта: так что, если, вместо 6 часов ежедневно, работники отдавали бы ему 8 часов, то прибыль хозяина была бы не 6000, а 7.200 рублей.

Так оно и есть в настоящее время, работники принуждены отдавать все большую и большую часть рабочего дня фабриканту.

Как это так? А очень просто. Почему взятый нами для примера работник получает в день 90 копеек? Потому, что столько ему необходимо на поддержание своей жизни (на пищу, одежду, квартиру). Работая 6 часов за эту плату, рабочий остальную часть дня (т. е. 6 часов) работает даром.

Если бы случилось так, что для кормления и вообще для жизни рабочего довольно было бы 4 часов труда вместо шести, заработная плата была бы уже не 90, а только 60 коп. Работник трудился

бы на себя только 4 часа, а 8 часов работал бы в пользу фабриканта, отдавая ему весь прибавочный труд, всю прибавочную стоимость.

Так в действительности и происходит. Но по мере того, как везде вводятся машины, с которыми скорей можно производить всякий предмет, все меньше и меньше труда требуется на изготовление тех предметов, в которых нуждается работник. Прежде рубашка стоила 2-3 дня труда, теперь только 1 день, а то и меньше; прежде какой-нибудь сюртук стоил, например, 10 дней труда, теперь не стоит и трех.

Следовательно, работнику в настоящее время не приходится работать на себя (чтобы отработать свою плату) так долго, как в прежнее время. Прежде он должен был работать на себя 6 часов там, где теперь довольно четырех. Но пользы ему от этого нет никакой. Прежде из 12-ти часовой ежедневной работы он трудился на себя 6 час., а остальные 6 час. отдавал фабриканту; теперь для него достаточно 4 час., следовательно, фабриканту остается восемь. Рабочий трудится по прежнему, выигрывает один фабрикант. Прежде работник работал на себя 6 часов, а остальные 6 употреблял на создание прибавочной стоимости; мера этой прибавочной стоимости; (т. е. отношение между неоплаченным трудом и трудом оплаченным) равнялась 1, или 100%; теперь необходимый для рабочего труд продолжался 4 часа, прибавочная стоимость занимает 8 часов, и мера ее будет 2, или 200%. Теперь везде во всех отраслях промышленности вводятся машины. С ними работа идет успешнее. Потому и время, необходимое работнику на поддержание своего существования, постоянно уменьшается, время же, приходящееся на долю фабриканта, все увеличивается. Мера прибавочной стоимости также все возрастает.

Теперь мы видим, почему работники должны беднеть, а фабриканты—богатеть.

— Ну в этом немного отрадного, скажите вы мне. Если так должно быть, то как же надеяться нам на улучшение своего положения?

«Нет худа без добра», говорит пословица. Так и в постоянном повышении меры прибавочной стоимости есть много хорошего. Прежде всего, хорошо то, что работник может содержать себя все с меньшей и меньшей затратой труда. Теперь, когда весь почти труд отдается хозяину, работник от этого немного выигрывает, но го

временем, когда не будет хозяев, это уменьшение необходимого труда будет для него очень важно.

А кроме того, я должен упомянуть здесь еще об одной вещи, о которой до сих пор не говорил ничего. Как вы думаете, все ли фабриканты обогащаются чужим добром? Далеко не все; все обогащаться не могут; каждый из них старается разорить другого. Один старается приготовить на продажу как можно больше товара, напр., ситцу, другой посылает этого товара еще больше, третий больше их обоих, и каждый из них должен продавать как можно дешевле если не хочет, чтобы его товар залежался. Наконец, ситцу доставляется на рынок так много, что на него нет уже и покупателей, а фабриканту без покупателей недалеко и до банкротства. Только очень богатые могут долго выждать спроса и продолжать производство, а менее богатые разоряются до чиста и разоряют тысячи работников, которые у них работали, оставляя их без куска хлеба. И это повторяется через каждые 8-10 лет. Каждые 8-10 лет погибает множество мелких фабрикантов, выбрасывается на улицу масса работников, богатеют же только несколько фабрикантов.

Что же из этого следует?

Очень многое. Фабрикантов и богатых вообще становится все меньше и меньше, бедняков же рабочих—все больше и больше; богатства скопляются в руках все меньшего числа лиц, нужда же обнимает все большую и большую часть жителей.

Работники видят, что фабрикантов становятся все меньше и меньше, что хотя богатства их и растут, но число их все уменьшается, так что все, что фабриканты выигрывают на богатстве, то теряют на силе. Рабочие же на фабриках привыкают к совместному труду, видят собственными глазами, как выгодно работать сообща, как при этом сохраняется время, и лучше становятся изделия. Видят они собственными глазами, как не хорошо, когда все орудия труда принадлежат одному собственнику, который не только сам не работает, но часто не имеет понятия о том, каким образом выделяются производимые у него продукты.

При том на фабриках работники привыкают стоять друг за друга; они видят, что работник брат работнику, что у них всех есть общий враг, который живет их трудом, и они понимают, что для победы над ним необходимо соединиться и помогать друг другу.

Конечно, у многих рабочих зарождалась мысль: а чего ради мы, в самом деле, работаем на одного? Нас так много, он же—один: мы

работаем на себя, а он отнимает наш труд. Если бы фабрики были наши, то все бы пошло иначе: мы не гнались бы за прибылью, но заботились бы лишь о поддержании нашего собственного существования. Мы бы работали с пользой для всех, он же работает только для себя, на убыль всем. Почему бы не сговориться всем работникам, почему бы им не *отобрать от всех хозяев землю и фабрики?*

Но справедливо ли будет это?

Не нос для табакерки, а табакерка для носа. Не для того люди на свете, чтобы производить как можно больше продуктов, а продукты на свете, чтобы удовлетворять нужды людей. Работники создают продукты, они же должны ими пользоваться, а для этого им необходимы орудия труда, принадлежащие теперь фабрикантам. А если вам кто скажет, что собственность священна, что посягать на нее нельзя, то можете ответить коротко и ясно. Не хотим более обогащать других своим трудом!

IV.

Теперь остается один, самый важный вопрос: каким образом отобрать фабрики и земли, как этого достигнуть?

Это уж наше дело. Над этим вы сами должны поразмыслить. Когда в прежние времена речь заходила о том, чтобы освободить страну из неволи, когда надо было изгнать врага, тогда обращались к вам, работники, и тогда мы могли спросить: «освободить родину, изгнать врага мы готовы, но как это сделать?»

Теперь же идет речь о вас самих, о ваших семьях, о ваших братьях, а собственное дело надо уметь делать самим.

Только соединяясь вместе, общими усилиями, могут работники добиться своего освобождения.

Приложение:

Стоимость всякого продукта определяется количеством труда затраченного на его производство (т.е. на его изготовление). Это известно всеми учеными. Но у человека, незнакомого с наукой, может явиться такая мысль:—если стоимость всякого продукта будет тем больше, чем больше труда потрачено на его производство, то неумелый и неловкий сапожник, провозившийся над своими сапогами гораздо больше, чем нужно, получит за них больше, чем опытный мастер, работающий хорошо и скоро. Но такое рассуждение ошибочно.

Наука говорит не о той излишней трате времени и труда, которая происходит от неловкости рабочего. *Этот излишний труд* есть труд ненужный, затраченный им *без надобности*, только по неумению. Наука говорит о *труде необходимом*, без которого обойтись невозможно. А этот *необходимый труд* также бывает не всегда одинаков. Всякому известно, что на швейной машине скорее можно шить, чем без машины. Пока не было швейных машин, *трудом необходимым* на шитье, скажем, рубашки, был труд *средней* (т. е. не самой хорошей и не самой плохой) швеи, работающей с помощью иголки. Когда же были изобретены швейные машины, *труд необходимый* для шитья рубашки стал меньше, потому что на машине ее можно сшить скорее. Швея, у которой нет машины, конечно, так же долго, как и прежде, провозится над рубашкой; но теперь некоторая часть ее труда уже не будет считаться *необходимой*. Какая именно часть? А вот какая. Если на машине можно шить втрое скорее, чем без машины, то только *третья часть* труда нашей швеи будет *трудом необходимым*. Положим, что она провозилась с рубашкой *шесть часов*, а на машине ее можно было сшить в два часа. Тогда *шесть часов труда* нашей швеи будут равняться только *двум часам необходимого труда*. Вот почему введение машин всегда разоряет ремесленников, работающих ручными инструментами.

Но это еще не конец. Чтобы мой труд был *трудом необходимым*, нужно, чтобы произведенные мною продукты были нужны обществу, *чтобы на них же был спрос*, как говорят ученые. Возьмем хоть ткацкое дело. Полотно и всякие ткани, конечно, нужны людям; это такой продукт, без которого могут обходиться только дикари. Поэтому на полотна есть *спрос* труд ткача есть *труд необходимый*. Но и тут дело зависит от того, работает ли ткач на машине, или на ручном станке. В настоящее время *необходимым трудом* ткача считается только труд, который необходим при тканье машинами. Тот *излишний труд*, который потребуется на ручном станке, не считается уже *необходимым*. Оттого то наши ткачи-кустари так бедствуют в настоящее время.

Но положим, что нужно было десять тысяч штук полотна, а приготовили их двадцать тысяч. Выходит, что полотна приготовили вдвое больше, чем требовалось, значит, и труда на его производство истратили вдвое больше, чем нужно, *излишний труд* не есть *необходимый труд*. Если половина всех сработанных кусков была приготовлена без надобности, то и труд, затраченный на производство

этой половины будет трудом *излишним*, а вовсе не *необходимым*. Если люди, приготовившие полотно (сами ткачи или их хозяева), станут продавать полотно все разом, то стоимость полотна вдвое меньше, чем должна бы была быть по настоящему. Каждый из них понесет убыток; каждый из них увидит, что половину своего времени истратил даром, что его труд только на половину был *трудом необходимым*. Если же половина людей, изготовивших полотно, ухитрится вывести его на рынок прежде, чем привезет его другая половина, то им, пожалуй, удастся продать его именно сообразно с количеством труда, затраченного на его производство. Но тогда другая половина «производителей» полотна совсем не найдет покупателей, их *труд* окажется *излишним*; значит, и *стоимость* их полотна будет равна нулю, потому что на производство этого полотна вовсе не затрачено *необходимого труда*. Но их может отчасти выручить дешевизна их товаров. И вот каким образом.

Видя, что нет спроса на их полотно, они будут, что называется навязывать его покупателям, будут все больше и больше понижать его цену. Тогда многие из тех людей, которые по бедности не могли покупать полотна, когда оно продавалось по настоящей цене, купят его теперь за безценок. Кроме того, некоторые из зажиточных людей пожелают купить его в запас опять таки потому, что соблазняются дешевизной. Благодаря этому, наши запоздавшие продавцы полотна вернут кое что из своих «издержек производства», но без убытка, и без большого убытка дело все таки не обойдется.

Но кому же охота работать в убыток, задаром? Видя, что спрос на полотно упал, люди, занимающиеся его производством, будут готовить его меньше. Тогда поднимается его цена. Если полотна приготовят на этот раз равно столько, сколько его требуется, то весь труд, затраченный на его производство, будет *трудом необходимым*. А если полотна приготовят *меньше*, чем требуется, то цена его возрастет *еще больше* так что производители получают *больше*, чем следует. Тогда вместо убытков они получают огромные барыши. Но на большие барыши охотников много. Явятся другие производители полотна; они также вывезут его на рынок. Тогда цена его опять упадет, и т. д.

Вот эти-то самые *колебания цены* полотна и приводят к тому, что если мы возьмем не один год и не один случай, а много лет и много случаев продажи полотна на рынке, то увидим, что *стоимость его определяется количеством труда необходимого на его производство*.

Тоже самое можно сказать обо всяком другом продукте.

Следует только помнить, что под количеством труда, необходимого на производство какого нибудь продукта, нельзя понимать труд рабочего, одного какого нибудь ремесла. Так, например, в замке заключается труд не только слесаря, но также и рудокопа, добывающего железную руду, рабочих, занимающихся выплавкою руды, изготовлением полосового железа, перевозкой и т. д., и т. д. Все эти рабочие способствовали приготовлению, если не самого замка, то матерьяла для него. А потом труд всех этих рабочих должен идти в расчет при определении *стоимости* замка.

Точно также, когда мы сравнивали труд швеи, не имеющей такой машины, то для полноты нужно было упомянуть еще вот о чем.

Сама швейная машина приготовлена *трудом рабочих*. Поэтому она также имеет стоимость. Стоимость эта уменьшается от употребления машины; *поддержанная машина* всегда дешевле новой.

Но та стоимость, которая утрачена швейной машиной, переносится на сшитые, с ее помощью, вещи. И это понятно. В рубашке, сшитой на машине заключается между прочим, труд рабочих, сделавших машину. Значит, если говорить совсем точно, то шесть часов труда швеи, работавшей без машины, не будет равняться,—как мы сказали,—2 часам *необходимого труда*. Работая без машины, она не переносит на сшитую ею рубашку той стоимости, которую теряет эта машина от употребления. Поэтому, хотя она шьет второе медленнее, чем шила бы на машине, но шесть часов ее труда будут равняться не двум, а—скажем—двум с четвертью или двум с половиною часам *необходимого труда*. Само собой разумеется, что эта маленькая разница не улучшит ее бедственного положения, происходящего от введения машин.

Р. Плеханов.